

УДК 17.033.«20»+323.396+179.8

*И.Н. Протасенко***РЕССЕНТИМЕНТ ЭЛИТЫ В ГЕНЕЗИСЕ БОНАПАРТИЗМА***I.N. Protasenko***RESSENTIMENT ELITE IN BONAPARTISM GENESIS****Аннотация**

Статья посвящена социально-философскому анализу феномена «рессентимент элиты» в условиях системного кризиса и генезиса бонапартизма. Раскрываются основные смыслы концептов «зависть» и «рессентимент». Делается вывод, что рессентимент правящего класса выступает как превращенная форма рефлексии своего положения и является одной из причин «катастрофы сверху».

Ключевые слова

БОНАПАРТИЗМ, СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС, ЭЛИТА, ЗАВИСТЬ, РЕССЕНТИМЕНТ, РЕССЕНТИМЕНТ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА, ВЛАСТЬ.

Abstract

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the elite resentment phenomenon in the system crisis conditions and Bonapartism genesis. The basic meanings of the concepts of envy and resentment are analyzed. The conclusion is that the resentment of the ruling class manifests itself as the transformed (modified) form of the reflection of own position and is one of the reasons of “catastrophe from above”.

Keywords

BONAPARTISM, SYSTEM CRISIS, ELITE, ENVY, RESSENTIMENT, RULING CLASS RESSENTIMENT, POWER.

Бонапартизм как социальный феномен представляет собой сложное социальное явление, генезис которого предопределяется целой системой факторов [8, 9]. Бонапартизм – это специфическое обнаружение социального порядка, возникающего в условиях системного кризиса и предстающего как режим персональной власти, установленный «по видимости» народного волеизъявления [См. наш коммент. к этой дефиниции: 7, с. 125–126]. Формирование бонапартистской ситуации обусловлено не только социально-экономическим кризисом, не только раскладом политических сил, но и психоэмоциональным состоянием как социума в целом, так и отдельных его социальных групп.

Цель статьи – проанализировать психоэмоциональное состояние элиты, рациональные и иррациональные основания ее мотивации в условиях системного кризиса, радикальных социально-политических трансформаций.

Принято думать, а возможно, это иногда сознательно внушается, что зависть и рессентимент являются принадлежностью только бедных, слабых и беспомощных, т. е. низших социальных слоев. Этому в немалой степени способствовали тексты Ф. Ницше [4].

Предварительно кратко рассмотрим ключевые смыслы концепта «зависть», а также характеристики переживания, обозначаемые этим термином. Попутно заметим, что феномен зависти остается мало исследованным и находится на периферии внимания ученых. Однако если обратиться к тем немногим классическим текстам, посвященным исследованию зависти и рессентимента, то можно увидеть совершенно иную картину. Прежде всего, следует отметить, что чувство зависти свойственно человеку любого возраста, пола и сословия. Второй существенный момент – это то, что зависть направлена в основном на людей, находящихся

внутри той же самой группы и на том же уровне, что и завистник, и крайне редко на тех, кто значительно выше его. Скорее олигарх позавидует олигарху, чем уборщица из супермаркета долларовому миллиардеру. Так, Аристотель в своей «Риторике» проницательно замечает, в какой степени наша зависть направлена исключительно на тех, кто нам ровня, на равных нам, подчеркивая, что «высокопоставленные и удачливые бывают завистливы» [1, с. 81]. Ф. Бэкон, наблюдая зависть среди придворных, пишет: «Люди знатного рода замечены в зависти к людям новым при их возвышении. Ведь дистанция между ними сокращается, и это как обман зрения: когда другие поднимаются, им кажется, что это они сами опускаются» [2, с. 368]. Бэкон описывает то, что можно назвать «завистью королей», т. е. зависть, направленную сверху вниз. Ее можно назвать завистью к отдаленности, и эта форма зависти будет встречаться постоянно. Вероятно, это и есть абсолютная зависть, заключает Г. Шёк, потому что человек, находящийся наверху, не может ничего потерять оттого, что другие, в результате собственных достижений, начнут соревноваться с ним в роскоши и богатстве [10, с. 239]. Однако заметим, что это справедливо для стабильного социума с широким социально-политическим консенсусом. В обществе, переживающем кризис, социальные потрясения и трансформации, «зависть королей» отягощается глубочайшим рессентиментом, замешанным на страхе потерять всё.

Из современных исследований феномена зависти необходимо отметить фундаментальный труд Г. Шёка «Зависть: теория социального поведения» [10], где автору удалось показать связь и нюансы смыслов таких концептов, как «зависть», «ревность», «страх», «агрессия», «рессентимент». Шёк обратил наше внимание на то, как в современных публикациях значения концептов «зависть» и «рессентимент» маскируются другими понятиями, например концептами «ревность», «агрессия», «злоба» [10, с. 24], и на то, что наблюдается своего рода вытеснение этих концептов из общественных наук [Там же. С. 25–29]. Слово «конфликт», конечно, может звучать красивее и быть более приемлемым для наших социально чувствительных ушей, чем старое, совершенно однозначное слово «зависть» [Там же. С. 139]. Психолог М. Дэниэлс отмечает: «Зависть...

маскируется под другие явления, чем ставит в тупик учителей, родителей и психотерапевтов, которым она злобно противостоит. Ее фундаментальное значение в течение долгого времени недооценивалось в психоаналитических и психологических кругах. И наконец, возможно, мы живем в культуре, которая благоприятствует развитию зависти» [12]. Чтобы понять, насколько прав Дэниэлс, достаточно обратить внимание на заложенную в современных рекламных слоганах мотивацию. Это мотивация зависти. Между тем Шёк убедительно показал, что те общества, в которых удавалось социально обуздать зависть, имели более высокие темпы развития. В частности, он пишет: «Чем больше частные люди и хранители политической власти в данном обществе способны действовать, как если бы зависти не было, тем выше будут темпы экономического роста и тем больше будет всевозможных инноваций. Такой общественный климат, где принятое нормативное поведение, обычаи, религия, здравый смысл и общественное устройство приводят к более или менее согласованной установке на игнорирование завистников, больше всего подходит для максимально полного и свободного развития творческих (экономических, научных, артистических и т. п.) способностей человека. В таком обществе, где большинство членов разделяют это убеждение, оно позволяет им справляться с очевидными различиями, существующими между людьми, рациональным образом, не принося зависти слишком больших жертв; эта установка на самом деле позволяет законодателям и правительствам обеспечивать равную защиту для неравных достижений членов сообщества, а иногда даже обеспечивать им неравные преимущества для того, чтобы в долгосрочной перспективе сообщество смогло получить пользу от тех достижений, которые сначала, возможно, доступны лишь для немногих» [10, с. 27].

Зависть носит гораздо более универсальный характер, чем это признавалось до сих пор. Более того, исключительно зависть делает возможным какое бы то ни было социальное взаимодействие. Вместе с тем зависть не объясняет всего, но, по точному замечанию Шёка, проливает свет на большее количество вещей, чем люди были готовы допустить или даже увидеть до сих пор [Там же. С. 17].

Таким образом, зависть — это психологический и социальный феномен, выступающий базовым (подчеркнем, социальным и психологическим) феноменом в понимании других психологических процессов. Она возникает не в поляризации социальных слоев и классов. Зависть интенциональна и субъектна, поскольку это направленное чувство, оно не может возникнуть без цели, без жертвы.

Как известно, феномен рессентимента открыл Ф. Ницше. Заимствованный из французского языка, этот термин обозначает психологический комплекс состояний ненависти, униженности, затаенной обиды и мстительности. Однако эти переживания не находят выхода во фронтальной борьбе, а блокируются трусостью и параличом воли, что порождает крайне болезненное состояние бессилия. И тогда эти переживания оборачиваются вовнутрь и ищут себе выхода в сфере воображения.

Данное понятие, по мнению М. Шелера, зафиксировало не просто кризис в развитии отдельных сфер культуры, а патологическую направленность его разрешения. Поэтому в образной формулировке Шелера «рессентимент — это самоотравление души... Душевный динамит...» [11, с. 13]. Иначе говоря, данное явление «представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, — запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство» [Там же].

Полагаем, что современная российская элита являет собой результат деградации и разложения советской элиты, ярко обнаруживая паразитизм, дисфункцию, неготовность и неспособность осуществлять действия, задаваемые социальной ролью. Качество управления — важнейший индикатор успехов социально-экономической системы.

Советская и партийная номенклатура выросла из революционного катаклизма 1917 года, прошла отбор Гражданской войны, чисток 1937 года, Великой Отечественной войны. Как

видим, партийной номенклатуре было нелегко: выжить в таких исторических и социальных условиях, сохраниться как индивиду, да еще сделать карьеру. Согласитесь, дело непростое. Тут нужны не просто талант или способности. Талант и способности — это для профессионалов узкой специализации: инженера, врача, учителя, ученого и т. д. Советский управленец — специалист широкого профиля. И какой талант или способность здесь важнее — это вопрос. Советская система, построенная по сталинской модели, не была совершенством, но, по крайней мере, в отношении дисциплины и требовательности она была достаточно сильной. Сама система заставляла номенклатуру держать себя в тонусе. Хотя барства, хамства и холопства всегда было предостаточно. Правящая партийная бюрократия в Советском Союзе, взяв на себя функции руководства и управления, в конечном счете не справилась. В борьбе за власть и выживание в системе номенклатура забыла свои функциональные обязанности. Жизнь превратилась в подковерные интриги, потребление из насущной необходимости и удовольствия превратилось в игру на выживание. Обеспечение через закрытые распределители показалось не просто недостаточным, а унижительным — захотелось капиталов. А капитал, как известно, верхнего предела не имеет. Если распределители народ мог содержать (зная об этом и не ропща), то обеспечить каждому управленческому функционеру счет в банке — тут никакая система не выдержит.

Полагаем, что основной внутренней мотивацией элиты 1990-х годов была зависть к возможностям европейского уровня потребления и глубочайший рессентимент в осознании своего места в жизни, социальной иерархии, неутолимой неудовлетворенности ни в самореализации, ни в возможных перспективах. Европейский дом казался местом, где исполняются мечты.

Механизм формирования рессентиментного типа личности Шелер раскрывает так: «По мере того как игнорирование позитивных ценностей пробуждает тягу к ним, он (человек, находящийся во власти рессентимента. — *И. П.*) все глубже погружается, минуя переходные ценности и ценности-средства, в противоположные этим позитивным ценностям зло. Постепенно оно занимает все большее пространство в сфере его ценностного внимания. В нем зарож-

дается нечто такое, что пробуждает желание хулить, ниспровергать, унижать, и он цепляется за любой феномен, чтобы через его отрицание хоть как-то себя проявить. Так, оправдывая внутреннюю конституцию своего ценностного переживания, рессентиментный тип произвольно „обесценивает” бытие и мир» [11, с. 60]. Сословная система во Франции оскорбляла третье сословие. Чтобы отрубить голову своему королю (в Англии, во Франции и т. д.), нужно испытывать очень сильные чувства, которые не позволяют сознанию примириться с мыслью, что король может стать гражданином «как все», кто был подданным Его Величества. Символизм неравенства (впрочем, так же как и символизм равенства) ранит сильнее, чем непосредственное унижение. Поэтому казнь направлена более против символизма института монархии, чем против человека, представляющего эту монархию. Аналогична «казнь» всего советского: и плохого, и хорошего, застойного и конструктивного, архаического и фантастического. Тотальная грамотность населения страны, снова отодвинутая в неопределенное далёко, свидетельствует о бескомпромиссной беспощадности борцов со всем советским.

Революция — это взрыв рессентимента и праздничное отреагирование тяжелой повседневности, это психоэмоциональное зашкаливание вплоть до апатии и жажды скорейшего ужасного конца. Немецкое «Grollen», по мнению М. Шелера, близко отражает основной смысл рессентимента — это блуждающая во тьме души, затаенная и независимая от активности «Я» злоба, которая образуется в результате воспроизведения в себе интенций ненависти или иных враждебных эмоций и, не заключая в себе никаких конкретных враждебных намерений, питает своей кровью всевозможные намерения такого рода. Эмоция Ельцина против Горбачева и эмоция Горбачева против тех, кто не с ним. Это эмоция скорлупы, эмоциональной зашоренности. Невозможность видеть что-либо, кроме себя и своего уязвленного самолюбия. Разве можно в таком состоянии думать о Родине, о том, как старики будут доживать свой век. Молодые менеджеры перестройки радостно, откровенно и категорично заявляли: «Пенсионеры не переживут перестройку, так как не впишутся в рынок». Эти постоянные сетования, что «с этим народом» трудно проводить

какие-либо реформы. Интересно, что Гитлер на исходе войны тоже был крайне недоволен своим народом. Перестроечный термин «совок» — уничижительная характеристика советских людей, наивно доверяющих власти в своем государстве, надеющихся на то, что властные решения справедливы, что бизнес ведет свои дела честно: лекарства — настоящие, продукты — непросроченные, а доленое строительство гарантирует получение жилья.

Антисоветизм проявился как борьба со всем советским. Наши люди были не готовы к такому разрушительному очернению всего и вся. Не случайным оказалось решение А. Яковлева о назначении редактором журнала «Огонёк» В. Коротича. Кадровая политика, как известно, относится к наименее спонтанным решениям в любых трансформациях.

Рессентимент, как сказал бы Ницше, слишком человеческое свойство. Рессентимент угнетенных и задавленных, рессентимент масс — это то, что сразу заметно, лежит на поверхности исторического ландшафта. Но для того, чтобы разбудить массы, сделать бунт возможным, возглавить его (а «разрешение» на бунт проходит через осознание того, кто способен канализировать энергию масс), необходим другой рессентимент. Имеется в виду рессентимент представителей элиты и, как это ни парадоксально, рессентимент правящей верхушки. Массы должны быть направляемы и руководимы. Чудовищные заряды рессентимента задавленных масс, которые буквально взорвались, порождая ужасающие практики насилия и жестокости: гражданские и мировые войны, революции, ГУЛАГ, Освенцим, стали возможны вследствие глубокого рессентимента их лидеров.

Партийная верхушка испытывала глубочайший рессентимент, так как идеологически и нравственно была опустошена, давно перестала верить своим богам. Клятвы и заклинания именем классиков превратились в ритуальные мантры с утраченными смыслами.

Двоемыслие самым губительным образом сказалось именно на функционерах управления, номенклатуре. Особенно опасным участком является тот, где мотивация должна строиться на идеологических аргументах. Клятвы формулами, в которые давно не верят, источают тлетворный яд цинизма, разрушают нравственный фундамент личности — совесть. Извраща-

ется функциональное предназначение управления целым, понимание «блага» той социальной общности, которой предназначен служить тот или иной руководитель или управленец. Народная интуиция, выразившаяся в поговорке «Рыба гниет с головы», весьма точно указывает на патологические деформации субъектов руководства и управления. В. Межуев отмечает: «Не то плохо, что все разом заговорили, а то, что впереди оказались не самые лучшие — те, кто мечтал не столько о демократии, сколько о том, чтобы быть первыми на „пиру победителей“, войти в новую элиту и не упустить свою долю при дележе власти и общественного пирога. Для таких людей революционная фраза и радикализм в отрицании прошлого — единственный шанс подняться вверх, всплыть на поверхность» [3]. Х. Ортега-и-Гассет описывает в общем виде этот процесс так: «В наше время массовый тип, „чернь“, преобладает даже в традиционных избранных группах. Так, в интеллектуальную жизнь, которая по самой сути своей требует и предполагает высокие достоинства, все больше проникают псевдоинтеллектуалы, у которых не может быть достоинств; их или просто нет, или уже нет. То же самое — в уцелевших группах нашей „знати“, как у мужчин, так и у женщин. И наоборот, среди рабочих, которые раньше считались типичной „массой“, сегодня нередко встречаются характеры исключительных качеств» [5, с. 21].

Глубина ressentiment проявилась и стала вполне очевидной после так называемой «революции сверху» в том ожесточенном мстительном разрушении всего советского, всего, что могло бы пригодиться в новой жизни. Разрушенные НИИ и КБ. Сколько патентов на изобретения и ноу-хау советских ученых и конструкторов появилось у тех, кто проявил сообразительность и расторопность в хаосе «революционных» обстоятельств.

Советское общество, как оказалось, в большой степени осталось традиционным. Моральный кодекс строителя коммунизма не ломал привычных максим народной мудрости: «Труд всему голова», «Береги честь смолоду», «Делай, что должно, и будь, что будет». Интеллигенция «лечилась» «психоанализом» кухонных разговоров либо (если не помогало), увы, алкоголизировалась. Самая тяжелая ситуация сложилась в экзистенциальном состоянии партийной но-

менклатуры. Вот где амплитуда между «можно» и «нельзя», между провозглашаемым и подразумеваемым оказалась гигантской. А «кухонный психоанализ» для них был исключен по определению, так как эта категория людей в наибольшей степени боялась «ушей стен». Страх, необходимость отслеживать себя и контролировать свои реакции — это потяжелее миссии разведчика во враждебной среде, где трансценденция целей и ценностей выводила сознание из ловушки маски и истинной сущности личности. Ложь и «надувание щек» каждый день и только во имя собственного номенклатурного пайка — адова работа. Впрочем, номенклатура среднего звена приспособилась, и, пожалуй, здесь была самая большая трудность — вот кто не хотел менять свой статус-кво. Выше не прыгнуть, а перемены чреватые ухудшением положения.

Важно еще и то, как формировался этот класс. Это схема выдвигенчества. Каждый выдвигенец всегда хуже и слабее рекомендателя. Это поистине алгоритм вырождения в рабское «чего изволите», «начальник всегда прав», «я — начальник, ты — дурак». Вот так рабы оказываются у власти.

«Восстание рабов в морали начинается с того, что ressentiment сам становится творческим и порождает ценности: ressentiment таких существ, которые не способны к действительной реакции, выразившейся бы в поступке, и которые вознаграждают себя воображаемой мстительностью. В то время как всякая преимущественная мораль произрастает из торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит Нет „внешнему“, „иному“, „несобственному“: это Нет и оказывается ее творческим деянием. Этот поворот оценивающего взгляда — это необходимое обращение вовне, вместо обращения к самому себе — как раз и принадлежит к „ressentiment“: мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения прежде всего в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, — ее акция в корне является реакцией», — отмечает Ницше [4, с. 424–425].

Вместо дефиниции Шелер предлагает краткое предметное описание, предметную характеристику: «Рессентимент — это самоотравление души, имеющее вполне определенные причины и следствия. Оно представляет собой дол-

говременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, — запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам» [11, с. 14].

Полагаем, что если рессентимент — это переживание и действие рабского сознания, то сознание партийно-номенклатурного деятеля вполне соответствует этому определению. Рабское сознание не лечится карьерными высотами. Оно обретает больше простора для мстительного выхода этого яда, отравляя на своем пути всё, что попадает в поле его «руководства». Методология деятельности такого сознания в высшей степени тоталитарная, как самая понятная для этого типа сознания. В России у власти оказались «кухаркины» дети в худшем смысле этого слова, как неспособные соответствовать ни масштабу, ни интеллектуальной глубине, ни нравственной высоте культуры и цивилизации, в которой им довелось «поручить». Ортега-и-Гассет, размышляя о восстании масс, отмечает: «Подчеркиваю, что я никогда не призывал общество стать аристократичным. Я утверждал, и я все больше верю, что человеческое общество по самой сущности своей всегда аристократично — хочет оно этого или нет; больше того, оно лишь постольку общество, поскольку аристократично, и перестает быть обществом, когда перестает быть аристократичным» [5, с. 25].

Ницше говорит о рессентименте слабых, угнетенных, маргинализованных, завидующих сильным. В рассматриваемом нами случае речь идет о рессентименте в превращенной форме — власть предрержащей партийной номенклатуре захотелось легализовать то, что они имели, и в

то же время освободиться от системы, которая любую минуту могла лишить их кормушки. Это и в самом деле восстание рабов сверху. Однако, ломая систему с применением, по признанию А.Н. Яковлева, тоталитарной механики, они крушили великую страну и избивали ее народ, создавший своим трудом ее богатства. Как точно подметил А. Зиновьев: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Здесь уместно вспомнить рассуждения Ортега-и-Гассета о проявлениях любви к родине: «Любовь же в мыслях достигает объекта и принимается за свое незримое, но святое и самое жизнеутверждающее из всех возможных дело — утверждает существование объекта. Поразмыслите над тем, что значит любить искусство или родину: это значит ни на одно мгновение не сомневаться в их праве на существование; это значит осознавать и ежесекундно подтверждать их право на существование. Не так, впрочем, как это делает судья, знающий законы, приговоры которого поэтому бесстрастны, а так, чтобы оправдательный приговор был одновременно и поиском, и итогом. И наоборот, ненавидеть — это значит в мыслях убивать предмет нашей любви, истреблять его в своих помыслах, оспаривать его право на место под солнцем. Ненавидеть кого-либо — значит приходить в ярость от самого факта его существования. Приемлемо лишь исчезновение его с лица земли» [6, с. 357–358].

Следует подчеркнуть, что рессентимент правящего класса тем сильнее, чем менее выражена (чем менее присутствует в системе ценностей и приоритетов) **идея служения** этого класса социуму, стране, народу, наконец. Таким образом, рессентимент правящего класса выступает как превращенная форма рефлексии своего положения и является одной из причин «катастрофы сверху».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аристотель.** Риторика. Поэтика [Текст] / Аристотель; пер. с др.-греч. и примеч. О.П. Цыбенко, под ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова; пер. В.Г. Аппельрота, под ред. Ф.А. Петровского. — М.: Лабиринт, 2000.
2. **Бэкон, Ф.** О зависти. Опыт или наставления нравственные и политические [Текст] / Ф. Бэкон // Соч. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1972.
3. **Межуев, В.** Может ли демократ в России быть противником перестройки? [Электронный ресурс] / В. Межуев // Перестройка 20 лет спустя (Из стено-

граммы дискуссии, проведенной клубом «Свободное слово» при Ин-те философии РАН). — Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/gorby/itogi/mezuiev.htm> (дата обращения: 28.03.2013).

4. **Ницше, Ф.** Генеалогия морали [Текст] / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1990.

5. **Ортега-и-Гассет, Х.** Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. — М.: АСТ, 2008. — С. 13–172.

6. **Он же.** Этюды о любви [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет; пер. В.Е. Багно // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 350–433.
7. **Протасенко, И.Н.** Бонапартизм: власть и ценности [Текст] / И.Н. Протасенко // Науч.-техн. вест. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. – 2012. № 2 (148). – С. 125–129.
8. **Она же.** Бонапартизм как модель социальной субъектности [Текст] / И.Н. Протасенко // Там же. – 2011. – № 1 (118). – С. 25–31.
9. **Она же.** Современный бонапартизм в контексте системной экологии социально-политических трансформаций [Текст] / И.Н. Протасенко // Там же. – 2010. – № 2 (111). – С. 30–35.
10. **Шёк, Г.** Зависть: теория социального поведения [Текст] / Г. Шёк; пер. с англ. В. Кошкина, под ред. Ю. Кузнецова. – М.: ИРИСЭН, 2008.
11. **Шелер, М.** Рессентимент в структуре моралей [Текст] / М. Шелер. – СПб.: Наука : Университетская кн., 1999.
12. **Daniels, M.** The Dynamics of Morbid Envy in the Etiology and Treatment of Chronic Learning Disability [Text] / M. Daniels // Psychoanalytic Rev. – Vol. 51. – 1964. – P. 45–56.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ПРОТАСЕНКО Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
irina.protasenko@mail.ru

PROTASENKO Irina N. – *St. Petersburg State University.*
199034, Mendeleevskaya linia, 5, St. Petersburg, Russia
irina.protasenko@mail.ru